

хотела отдаться делу цивилизации родного народа, как пришлось выжить голодом, холодом, будни на повозках, уржав, смерть родителей, непредвиденное замужество — обычный путь молодой калмычки последнего десятилетия. Супружество Нанчи, между прочим, оказалось счастливой, супруги ладно жили. Азвалось, Нанча — у тихой пристани семейной. Но, как раз, за два года до ее смерти, автомобилист во Франции давит ее любимую пятнадцатилетнюю дочь.

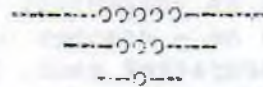
С этого несчастного года Нанча делается очень религиозной, часто молится Богу, всегда усердно проповедует наличие Бога и предопределенность человеческой судьбы свыше.

Появление в жизни калмыцкой эмиграции „жизненных Воли“ ее весьма заинтересовало. „Неужели это возможно“ спрашивает она. Мало верит, а все же считает своим долгом помогать по силам и средствам. В первую очередь из своих трудовых грошей, может быть, заработанных между домашней работой стиркой или шитьем чужого белья, делает свой скромный взнос. Во втором номере уже приняла участие своим стихотворением, где вырвала веру и надежду в возрождение своего народа. В третьем номере уже не могла принять участия. Была больна. Скоро ее пришлось отдать французской земле.

Наша группа в лице Нанчи Умаровой (Вейбетовой) потеряла единственную сорудницу-камычку, сознательно и нам подшедную.

Да найдет твой дух лучшее перевоплощение в новой жизни. Дело, о котором ты робко мечтала, мы будем продолжать в меру наших скромных сил.

РЕДАКЦИЯ.

УЧУР АМЦУБЕВ.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ РАССЛОЕНИИ КАЛМЫЦКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЭМИГРАЦИИ.

Применительно к народной мудрости: „сто голов — сто ушей“, нет ничего ненормального в том, что и немногочисленная калмыцкая интеллигенция в эмиграции раздроблена, или готова раздробиться, по разным политическим партиям. Восточную, поскольку нет действительной обетавки для расслоненных ее по собственноразличным партиям без связи с партиями соседних народов, с судьбами кои связана и судьба нашего народа, нет ничего неожиданного и в том, что калмыцкая интеллигенция расстранивается по русским и казачьим политическим партиям.

Я — человек, вот уже десяток лет живущий в условиях фабричной работы и всецело поглощенный заботами о большой нетрудоспособной семье (больные родители и ребенок. Мать его на днях умерла. Ред.), конечно, не могу тонко разбираться и, как говорят, по ниточкам разобрать этот вопрос, а потому кратко и просто передаю мою мысль, которая часто занимает мою голову. По моему мнению, камычка, свободна по своему убеждению, может состоять в какой угодно политической партии и соседних народов. Но, при этом, он должен иметь в своем сознании национальный вопрос т. е. я этих хочу сказать, что каждый из нас, прежде чем войти в состав той или иной партии, должен узнать, как эта партия разрешает национальный вопрос, или еще проще, какое положение предполагает эта партия предоставить калмыцкому народу, когда она возьмет власть в своем государстве.

Ведь, откровенно говоря, каждая партия, с основанием или без основания, представляет из себя ячейку будущей власти в государстве и, роль скоро так, то калмычки, входящие в состав данной партии, прежде всего, должны узнать, что эта партия дает своему народу. Без соблюдения этих условий камычка не может, по моему, войти в состав чужих, русских, казачьих или других партий.

Так, например, если бы в вольноказачьей просите „Обституции“ не было бы ясно сказано, что калмыцкий народ в качестве самостоятельной единицы в состав казачьи, я ни за что не счел бы нужным входить в группу „Дарымак Таргачин Тул“, состоящей в числе вольноказачьих организаций. Из программы Вольного казачества и этой группы я увидел, что если казачеству удастся освободиться и образовать свое государство, то калмычки будут истинными хозяевами на своей земле, будут управляться своей выборной властью, будут свободно развивать свои языковые, ре-

лигиозную и иную культуру и вообще пользоваться равными со всеми правами в семье, в общегосударственной. Это для меня настолько притягательно и это так удивляет мое национальное сознание, что я решил посвятить свои скромные силы на защиту создания такой возможности.

И поэтому мне очень интересно узнать — какое положение подготовит для своего народа те калыки, которые вошли, или собираются войти, в ту или иную русскую, казачью или какую другую партию; что они выговорили и на каких началах составили союзы?.. Мы слышим, что вот, тот — кадет, тот — монархист, тот — большевик, другой — социалист, а о том, что дадут эти партии в составе своего государства иным нациям, в данном случае калыцкому народу, нам ничего не известно.

-----0000-----
-----000-----
-----0-----

ГОГОЛЬ БАРАШАИН

ИЗ МЕЛОЧЕЙ ЭМИГРАНТСКОГО БЫТА.

Хотя говорят, что эмиграция накладывает на нас свой отпечаток и сильно изменяет психологию, но на калыке этого отпечатка совсем мало заметно. По преимуществу он беспечен, по преимуществу любит ездить за сотни километров к станичнику или „брату по кости“ в гости. Дух кочевника, видимо, нет-нет да и просыпается в нем и властно требует передвижения, или тоскующая душа степняка заставлял его часто вырываться из душного и тесного города на простор и хоть из окна вагонного вагона посмотреть на широкие горизонты. Особенно часто раз'езживали наши братья перед кризисом. Ничто их долго не удерживало на одном месте. Ни незнание языка, ни расходы не удерживали от поездок.

„Язык французский, что же — говорят они — он очень похож на русский, чуть только сказать и вот тебе французский язык. Вместо билета нужно сказать — билет; третий класс — трузыем класс, а второй и первый нам не требуется; вагон — все равно вагон; станция — стасион, и больше ничего для переезда не требуется. Если не знаешь сколько стоит, то просто дай бумажку покрупнее, они тебе сдачи всегда в точности дадут, а то, что иногда ктонибудь вместо места Навта попадает в Нанси, вместе вагона уезжает в Нанны, так это, рывти таки, пустяки, полиция у них такая, что всегда человека куда-нибудь определит. Если тебя задержат, ничего не нужно толковать, выложи все свои документы и руками только разведи. То, что ты по бумагам не шинья и не запонез, очень облегчает, видят, что ты честный эмигрант не большевик (как только это слово услышишь, всегда нужно отрицательно мотать головой и говорить: „нон“; большевик сапра купон, саяь ррес; муа —козак) и отпускают всегда с широм“...

Бато если с такими привлечениями доберется он до станичника, то уж держись: и на работу не ходи, хотя бы грозил расчет, и уж выпивон выставь как следует, не какой-нибудь там дү вән руж, а анку или еще что-нибудь почище. А надо сказать, что нашим братьям вино понравилось во Франции даже. „Дешевый и не слабее раки, ежели бутылки три выпить, так и опьянеть просто-напросто можно, а французь, так от шопина веселеет.“

Выкидывают наши „путешественники“ иногда вещи и довольно остроумные. Приехал как-то прошлой осенью ко мне мой станичник. Ну, дело ясное, ежели человек чуть ли не из другого конца Франции спроведать тебя приехал, так что тут толковать! Пришлось выставить целую баттарез, наварить баранины и бальские степи песнями вспомнить, но когда пришел час идти на смену, я все таки отпросился, угорворив его провести время с другим станичником, который как раз кончает смену. Станичник мой — человек сознательный, хотя неохотно, но все же согласился с мои доводами. Указал я ему квартиру станичника — через дорогу, а сам направился к заводу. Иду. Вдруг слышу тревожные гудки автомобиля, крики и ругни. Обернулся и вижу: автомобилист наскочил заторжозил машину, уже вплотную подкатив к моему станичнику, который не обратил внимания на гудки. Я, види, что шофер что-то кричит на моего гостя, побежал, чтобы послушать переводчиком и упробить шофера не поднимать скандала. Но не успел и приблизиться, как шофер, сев на машину, укатил дальше. А станичник мой и говорит: „Я никогда не обращал внимания на гуд-